

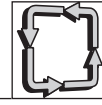
Логика телесно-ориентированного подхода в эпистемологии

И. А. БЕСКОВА

Мне хотелось бы высказать два соображения. Первое касается задававшегося вопроса о том, в каком смысле Е.Н. Князева употребляла термин «информация» и оправданно ли говорить об информации применительно к вопросу о познавательной активности животных; второе – собственно о месте и роли телесно-ориентированного подхода в эпистемологии, а также о той логике, в соответствии с которой данный подход кристаллизуется.

Рассмотрим понятие «информация». Не надо путать две совершенно разные формы его употребления. Первая – это то понятие, которое было разработано Клодом Шенноном: оно встречается в одноименной теории и имеет весьма опосредованное отношение к лингвистической интуиции носителей языка. Дело в том, что Шеннон, служа в «Белл Телефон», занимался оценкой производительности телеграфных и телефонных линий, чтобы выработать основу для определения тарифов на оплату сообщений. Соответственно объектом его интереса был *сигнал*, передаваемый через канал с помехами, а вовсе не содержательный, смысловой аспект сообщения. Поэтому одно из использований термина «информация» сугубо техническое¹, связанное с *количественной* стороной сообщений (число бит передаваемой по сетям информации), и существенно отличается по содержанию от обыденного словоупотребления, вызывающего у людей ассоциации со *смыслом* сообщения. Именно смешение понятий «информация» и «сигнал» побудило кибернетиков назвать свое детище теорией информации, а не теорией сигналов, что на самом деле было бы гораздо точнее.

¹ Если говорить коротко, информация определяется как выбор одного или нескольких сигналов, параметров, альтернатив из множества возможных. Степень информативности сообщения оценивается в зависимости от его способности уменьшать потенциально возможное число вариантов (в идеале сводя его к единице – это будет максимально информативное сообщение).

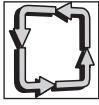
ЛОГИКА ТЕЛЕСНО-ОРИЕНТИРОВАННОГО ПОДХОДА

Однако, как часто случается, все подобного рода тонкости остались за пределами сферы массового сознания научного сообщества, в результате чего данный термин (с его на самом деле совершенно *технической экспликацией*) в умах ученых оказался прочно соотнесен с интуицией, стоящей за его *общеязыковым употреблением*. Как справедливо отмечает Ф. Капра, это привело к «бесконечным заблуждениям», в частности к избыточному энтузиазму в истолковании естественного интеллекта в терминах теоретико-информационной и компьютерной метафор. И я вполне согласна с Х. фон Форстером, который полагает, что в основе укоренившегося в научной культуре использования понятия информации, а также связываемых с ним ожиданий лежит «досадная лингвистическая ошибка».

Таким образом, мы совершенно оправданно и с полным на то основанием можем использовать термин «информация» применительно к характеристике познавательных и перцептивных процессов, протекающих в уме не только человека, но и животных. Просто при этом не надо забывать, что использование этого термина может носить общеупотребительный характер, не совпадающий с тем, который мы находим в теории информации и который, как я уже сказала, ближе понятию «сигнал», чем понятию «осмысленное сообщение».

Теперь остановимся на месте и роли телесно-ориентированного подхода в эпистемологии. За долгие годы и даже столетия в научном сообществе укоренилась система приоритетов, которую, как ни странно, можно связать с эпизодом филогенетической истории человека, представленным в Библии мотивом грехопадения. Смысл этого символического события, если рассматривать его не просто как страшную сказку, а как нечто такое, что может открыть важные грани в понимании человеческой природы, я связываю с замыканием познавательной способности на саму себя. Иначе говоря, мотивом грехопадения, на мой взгляд, символически представлен тот момент общечеловеческой когнитивной эволюции, когда познавательная динамика обрела новую направленность: не вовне и даже не вовнутрь (на внутрителесные процессы), а на саму себя. Здесь я хочу обратить особое внимание на переворот в мироощущении, связанный с рождением самосознательности, самоосознания.

Экспериментальные данные свидетельствуют о том, что присоединение внимания к деятельности усиливает переживание деятельности. В частности, ученые обнаружили, что, когда человек смотрит на ту часть своего тела, к которой прикасается, соматосенсорная зона коры головного мозга, отвечающая за интерпретацию тактильных ощущений, активируется сильнее, чем тогда, когда он не видит прикосновения. Поэтому *направление внимания на саму деятельность направления внимания* делает – помимо всего прочего – переживание куда более острым, чем все то, что до этого ощущалось. В данном переживании кристаллизуется новое ощущение – *самости* как чего-то отличного от всего прежде испытанного.

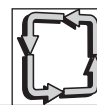
По моему мнению, когда такой шаг был впервые сделан в когнитивной эволюции человека, в это мгновение и произошло привнесение в его мир двойственности, диссоциации. Потому что отныне одно и то же – физиологически, субстанциально, телесно – существо в одно и то же время, в одном и том же отношении стало Я и не-Я. Я – как то переживание, которое конституируется при *обращении способности сознания на саму эту способность*, когда человек «сознаёт себя сознающим». (Подобное переживание выливается в составляющую «дух», «душа», «разум», которые с этого момента больше «не плоть»). Так рождается полностью лишенное вещественности духовное начало и полностью лишенное духовности телесное.) И не-Я – как все остальные формы переживания собственной представленности в мире, которые по сравнению с предыдущим становятся менее острыми, менее полными и слабо интенсивными.

Подобная трансформация само- и мироощущения выливается в дихотомизацию всего на свете. Отныне это та самая *позиция* двойственного, дуального мировидения, которая проявится и при взгляде на самого себя, и на окружающее, и на других существ. Таким образом, диссоциированный ум будет все воспринимать дуально, поскольку любая репрезентативная система распознаёт в окружающем то, что соответствует ее собственной природе. Можно сказать, что это та искажающая линза, которая отныне постоянно перед нашим мысленным взором. Поэтому когда мы видим мир поделенным на противоположности, наполненным борьбой и конфликтами, это не столько говорит о том, каков мир, сколько о том, каков наш ум, каков *тот инструмент*, который мы направляем на постижение и мира, и (между прочим!) самого себя.

Именно такой дуальностью характеризуется позиция ученого сообщества, которое привыкло воспринимать изучение человека в свете дихотомии: анализ сознания / анализ тела; духовная (ментальная, психическая) составляющая человеческой природы / телесная (физическая, материальная, организменная). Соответственно и подходы формируются когнитивный и телесно-ориентированный.

Такое отношение понятно и оправданно: все-таки за ним – многовековая традиция привычного и устоявшегося мировосприятия и миропонимания. Плохо то, что вместе с ней в наше понимание человека вторгается дуальность, двойственность как отголосок той диссоциации, которая имела место на ранних стадиях когнитивной эволюции.

В подходах к изучению человека это проявилось в том, что проблема телесного долгое время оставалась где-то на заднем плане философских размышлений. Приоритетным выступал анализ различных аспектов ментального. Это не вызывает серьезных возражений до тех пор, пока мы рассматриваем телесность как то, что *сопровождает* мышление, *помогает* ему, доставляя, например, чувственные данные для переработки информации, *реагирует* на мысль и т.п. В этом случае действительно телесными динамиками (до достижения некоторого достаточно высокого уровня точности анализа) можно пренебречь: ведь в конце концов ни одно иссле-

дование не может обходиться без абстрагирования, идеализаций, выделения главного и второстепенного, определяющего и определяемого в предмете рассмотрения. И если телесность – лишь обрамление сферы ментального, этакая своеобразная конфетная обертка на действительно значимом содержимом, она и оказывается первым и главным кандидатом на вынесение за скобки эпистемологического анализа.

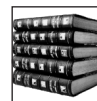
Понимание того, что телесное – не просто внешняя сторона ментального, а форма его воплощения в жизнь, в реальность материального мира, переводит эту проблему на следующий уровень отношения: *телесность перестает выноситься за скобки*. Начинают звучать призывы обратить внимание на то, что она тоже важна для понимания сферы мысли: ведь мыслительные процессы протекают в теле, телесно обусловлены, и это обстоятельство нельзя игнорировать; в противном случае мы получим слишком огрубленные модели мыслительных и познавательных процессов.

Однако только переход на следующий уровень рассмотрения, предполагающий понимание того, что телесное *и есть* ментальное, просто в другой форме проявления, что телесное и ментальное на некоем глубинном уровне – *это одно и то же*, подводит нас к осмыслению *подлинной* значимости изучения телесного в постижении природы и самого человека, и его мышления.

Два первых уровня отношения к проблеме телесности напрямую погружают нас в двойственность the mind–body problem (проблемы тела и духа), потому что, придаем ли мы должную значимость исследованию сферы телесного или остаемся всецело акцентированы на области ментального, мы безнадежно разделили эти составляющие человеческой природы. Даже если постулировать, что ум и тело – это *неразрывно связанные, взаимозависимые, взаимовлияющие* субстанции, мы уже изначально их изолировали, а затем по факту разделенности пытаемся ввести некое объединяющее начало – взаимосвязь, взаимовлияние, взаимообусловливание. Так, с самого начала разделив, за счет введения внешних связей мы затем пытаемся искусственно воссоздать подобие утраченного исходного *внутреннего* единства.

Подлинная целостность в понимании ментального и телесного, а вместе с ней и выход за пределы двойственности в рамках решения the mind–body problem, достигается только в том случае, если принять, что телесное и ментальное – это одно и то же, просто в разных формах своего проявления, это то, как целостность видится диссоциированному уму, который во всем воспринимаемом усматривает собственную природу.

Поэтому так важно не просто продвигать телесно-ориентированный подход в современный эпистемологический свод знаний, но постоянно помнить о подлинном статусе телесного в человеке: телесное – это не нечто такое, что важно для понимания ментального, это не просто значимое обрамление ментального, это *само ментальное*, просто в другой форме своего проявления.

Р **RO ET CONTRA. МЕСТО ВСТРЕЧИ**

(Рецензия на книгу: Ernst Mach's Philosophy. Pro and Con / Ed. by John T. Blackmore. Bethesda and Tokyo: Sentinel Open Press, 2009. 252 p.)

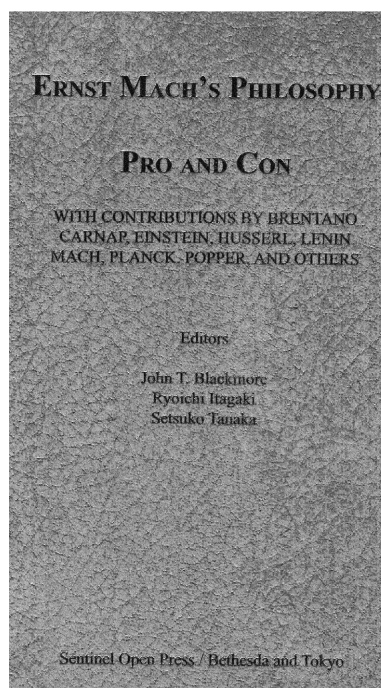
А. А. ПАРАМОНОВ

«Философия Эрнста Маха. Pro and con», вышедшая в 2009 г. в издательстве «Sentinel Open Press», является третьей книгой в серии фундаментальных работ, посвященных Эрнсту Маху, которые издаются под редакцией известного американского исследователя творчества Эрнста Маха, автора его первой научной биографии¹, Джона Блэкмора и японских историков науки: Риоичи Итагаки и Сэцуко Танака. В том же году издательство «Sentinel Open Press» выпустило еще одну книгу из этой серии. Она называется «Влияние Эрнста Маха», и в ней представлена избранная переписка Э. Маха. Ранее в 2001 и 2006 гг. вышли, но в других издательствах «Вена Эрнста Маха. 1895–1930» и «Наука Эрнста Маха»².

Внутренний список «контрибьютеров», вынесенный на обложку рецензируемой книги, не допускает сомнений в серьезности предприятия. Достаточно назвать такие имена, как: Франц Brentano, Рудольф Карнап, Альберт Эйнштейн, Эдмунд Гуссерль, Влади-

¹ Blackmore J.T. Ernst Mach – His Work. Berkeley : Life, and Influence, University of California Press, 1972.

² Ernst Mach's Vienna. 1895–1930. Dordrecht: Kluwer, 2001; Ernst Mach's Science – Its Character and Influence on Einstein and Others. Tokai University Press (Japan), 2006; Ernst Mach's Influence – Spreads to Musicians, Herrews Antropologists, Hungarians, etc. Sentinel Open Press.

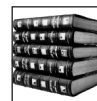

мир Ленин, Филипп Франк, Карл Штумпф, Карл Поппер и др. В этот список (в разделе Pro) включен и сам Эрнст Мах. Академический образ издания завершают обширный именной и предметный указатели. Помимо названных имен, публикации которых о Махе в большой степени знакомы философской аудитории, в книге представлен ряд не столь широко известных материалов. Назову лишь некоторые. Так, несомненный интерес вызывают фрагмент лекции немецкого математика Георга Гельма, прочитанной в 1916 г. в Обществе естественных наук *Isis* в Дрездене; исключительно содержательный фрагмент из книги современного американского философа Эрика Бэнкса, посвященный функционализму у Маха; критическое исследование австрийского историка и философа Вольфдитриха Шмид-Коварзика с анализом причин того, почему после отстранения в 1895 г. Франца Brentano от руководства философской кафедрой Венского университета возглавить ее приглашали не философов, а физиков: с 1896 по 1903 г. кафедру возглавлял Эрнст Мах, а затем до 1906 г. – Людвиг Больцман. Можно сказать, что здесь нет неинтересных текстов, остается лишь сожалеть, что многие фрагменты, представленные в книге, оказываются слишком короткими и потому недостаточно информативными. Причины этого, как объясняют издатели в последней главе «Скандал, связанный с авторскими правами...», лежат в сложностях получения разрешений на издание материалов и различных ограничениях правового характера.

На первый взгляд по жанру книгу можно зачислить в разряд антологий, в которой в относительно краткой форме представлены противоположные точки зрения по выбранному предмету, в нашем случае этим предметом является философия Эрнста Маха. Однако по своей структуре книга во многом воспроизводит структуру научной публикации, в которой представляются результаты проведенного исследования. В любой подобного рода публикации особое место отводится предисловию. В нашем случае значимость предисловия подчеркивается тем, что оно занимает треть общего объема книги. Основную часть, которая, если следовать выбранной аналогии, должна представлять собственно само исследование, составляют отобранные редакторами цитаты и отрывки из произведений, писем, воспоминаний контрибьюторов. Правда, в книге отсутствует заключение, на эту роль может претендовать редакторский комментарий к публикациям или, например, завершающая книгу глава, в которой со ссылкой на правовые ограничения объясняется, почему не удалось представить материалы в полной мере и по числу участников, и по объему приведенных публикаций.

Эта завершающая глава, на первый взгляд воспринимаемая как формальная, позволяет, по моему мнению, поставить вопрос о возможной случайности выбора составляющих книгу материалов (при всей тщательности его проведения), его обусловленности внешними обстоятельствами. Впрочем, следующий, естественным образом возникающий вопрос о возможной несамодостаточности и несамостоятельности позиции, заявляемой книгой в целом, может быть легко снят кропотливой комментаторской работой, по крайней мере в том, что касается относительной компенсации краткости приводимых фрагментов. Но это – возможное реше-

ние лишь одной стороны проблемы, и к нему мы вернемся чуть позже, а пока обратимся к другой ее части. Вопрос о самодостаточности представленных позиций пересекается также с необходимостью ответить еще на один вопрос, касающийся цели собирания под одной обложкой столь разных, именитых и не очень, разнесенных по пространствам и временам авторов.

Особое место предисловия в научной статье или в широком смысле в представлении результатов научного исследования, к которому мы, следуя выбранной аналогии, относим и настоящий сборник, определяется тем, что в предисловии впервые формулируется то, что можно назвать областью неизвестного, «незнанием» или проблемой, разрешению которой будет посвящено последующее исследование. Можно сказать, что здесь выстраивается форма пространства возможного или будущего понимания.

Именно к проблеме понимания обращаются в предисловии Блэкмор и его коллеги, разъясняя свою позицию. «Изначальная цель книги, – пишут они, – не в том, чтобы отстаивать позицию либо “за”, либо “против” философии Эрнста Маха или его представлений о науке, но в том, чтобы попытаться *понять* тот необычайно широкий диапазон различных точек зрения на его идеи»³.

Вряд ли кто-то будет спорить, что разнообразные позиции, представленные в книге, можно отнести к разным типам философствования. Поэтому естественно возникает вопрос о необходимости выстраивания своего рода метапространства философских практик как необходимого условия достижения понимания, своего рода обещанного *места встречи*, где оказывается возможным если не совместное обсуждение чего-либо, допустим, позитивистом, с одной стороны, и феноменологом – с другой, то по крайней мере их взаимоузнавание.

Вне всякого сомнения, необходимость ответа на такого рода вопрос, проблема поиска места встречи встает и перед издателями «Pro and Con».

Именно эту проблему, на мой взгляд, они решают, проводя исключительно тщательный учет различных философских, или, точнее, эпистемологических позиций, чему посвящена первая глава предисловия. В результате Блэкмору и его коллегам удастся сконструировать что-то вроде многомерной системы координат, по одной из осей которой разнесены в противоположные стороны, допустим, позиции презентистов и репрезентистов, по другой оси можно расположить приверженцев идеальной и экспериментальной, наблюдательной науки, по следующей оси размещаются прямые эпистемологи и не-прямые эпистемологи и т.д. и т.п.

Однако в такого рода каталогизации есть опасность. Дело в том, что раз речь идет о различных типах именно *философствования*, это в свою очередь подразумевает, что разделяющая эти различающиеся типы граница должна проходить скорее по *практикам проблематизации*, которые те осуществляют по отношению к рассматриваемой проблеме, чем по *способам* ее разрешения.

³ Ernst Mach's Philosophy. Pro and Con. P. XVI.

А как будет проходить граница, будем ли мы заниматься практиками философствования или способами решения проблем, это во многом зависит от того, как мы выстраиваем место встречи. Указав это место заранее, мы оставляем возможность для встречи лишь на уровне различных способов разрешения проблемы, но шанс для встречи на уровне проблематизаций уже оказывается утраченным.

Какой выбор делают Блэкмор и его коллеги? Они предваряют то, что мы назвали выше исследовательской частью (в качестве места встречи различных типов философствования по поводу Маха), следующим образом:

«Мах в первую очередь экспериментатор, историк, философ, который часто критиковал теории и математически идеализированную науку, и подобно многим, даже современным, философам, он отвергал атомы и молекулы, придерживаясь презентистских оснований и онтологической редукции, как если бы не существовало физического мира вне ощущений. Однако Мах, рассматривая значение в качестве психического и сводя логику и математику к эмпирическому основанию, противостоял лингвистической редукции в том виде, в каком ее позднее будут утверждать Витгенштейн и Карнап, которая предполагает субординацию и сведение значений и семантики к объективированным “пропозициям” и лингвистическим конвенциям... Не жаловал Мах и экономическую, и социальную редукцию, ни холистическую неопределенность, которую они породили. Однако он часто рассматривался как “неопозитивист” или предшественник логического позитивизма отчасти из-за редукционистского подхода к ощущениям и отношениям между ними и из-за его критики некоторых типов нередуцированного как “метафизического” или “бессмысленного”. Для многих философов и методологов эти уничижительные ярлыки стали распространенными бранными терминами, позволяющими осуществлять ошибочную демаркацию редукционистской науки от нередуционистской⁴. В завершение этот образ дополнен утверждением о несоответствии презентистской эпистемологии Маха репрезентивской позиции Эйнштейна.

Выстроенное пространство различных позиций *pro et contra* вокруг представленной таким образом фигуры Маха выглядит вполне обоснованным и функциональным. Правда, у него есть один недостаток: в каком-то смысле оно уже не содержит «незнаемого» и поэтому чрезвычайно хрупко. Появление иной интерпретации, не «встраивающейся» в оговоренное место встречи, не находящее в нем своего «незнаемого», вносит возмущения в саму фигуру Маха, грозя обрушением всей конструкции.

Ощущают ли хрупкость своих построений издатели? Думаю, что ощущают. Чем еще как не ощущением этой хрупкости можно объяснить особое позиционирование в редакторских комментариях, которыми сопровождаются публикации, двух конкретных имен? Одно из них мы не найдем в именном указателе к книге, хотя это, вероятно,

⁴ Ernst Mach's Philosophy. P. XIX–XX.

произошло по недоразумению. Правда, обладатель его не входит в число контрибьюторов, хотя вполне того заслуживает, но в его адрес высказывается резкий упрек, не подтверждаемый сколь-нибудь развернутой аргументацией. Мы говорим о немецком историке науки Гереоне Волтерсе, авторе книги «Мах I, Мах II и теория относительности. Подлог и его последствия»⁵, где он приводит ряд серьезных аргументов в доказательство того, что антиэйнштейновское предисловие к книге Маха по оптике, которая вышла после смерти Маха в 1921 г.⁶, было написано не Махом, а его сыном Людвигом. Работу Волтерса редакторы называют спекулятивным обвинением⁷, не приводя для этого достаточных оснований. Хотя, конечно, нужно признать, что это противостояние имеет давнюю историю⁸.

Во втором случае речь идет о Поле Фейерабенде, два фрагмента из работ которого представлены в разделе «Pro». Один фрагмент – из его ранней работы, второй – из более поздней. Как пишут сами редакторы, фрагменты были подобраны специально, чтобы продемонстрировать, насколько разительно Фейерабенд меняет свои взгляды – от явно пропопперианской оппозиции Маху, которой он придерживался до 1961 г., до перехода в 1981 г. к решительной защите последнего⁹.

На мой взгляд, читатель «Pro and Con», не знакомый с работами Фейерабенда, окажется в сложном положении, попытавшись понять из представленных в разделе «Pro» фрагментов, что, собственно, стоит за призывами Фейерабенда «отделить физические аргументы Маха» от его «эпистемологии»¹⁰. Он может, конечно, обратиться к редакторским комментариям (для этой цели они и предназначены). Но там вместо обсуждения возможных затруднений, связанных с пониманием фрагмента, он найдет разъяснение, относящееся не к тексту, а к конкретному человеку Фейерабенду, который, по словам Блэкмора, слишком рьяно встает на защиту тех, кого считает неоправданно критикуемым. «Движимая симпатией защита “неоправданно критикуемого” имеет, конечно, характер эмоциональный, а не рациональный и ответственный, – замечает Блэкмор. – Тем не менее она часто производит сильное впечатление на тех, кто испытывает потребность в высшей справедливости. Конечно, если критика была необоснованной, то необходима коррекция. Но сострадание важно, даже если кри-

⁵ *Wolters G.* Mach I, Mach II, Einstein, und die Relativitätstheorie. Eine Fälschung und Ihre. Berlin; N.Y. : W. de Gruyter, 1987.

⁶ *Mach E.* Die Prinzipien der physikalischen Optik: Historisch und erkenntnispsychologisch Enwickelt. Leipzig: J. A. Barth, 1921.

⁷ Ernst Mach's Philosophy. P. 169.

⁸ *Blackmore J.* Ernst Mach Leaves «The Church of Physics» // The British Journal for the Philosophy of Science. 1989. Vol. 40(4). P. 519–540; *Dissale R.* Critical Notes // Philosophy of Science. 1990. Vol. 57, №. 4. P. 712–723.

⁹ Ernst Mach's Philosophy. P. 168–169.

¹⁰ Ibid. P. 152.

тика была справедливой. Подозрительно, однако, что Фейерабенд, будучи озабочен репутацией умерших исследователей... в отношении ложного истолкования их идей, чрезмерно сильно выражал свои симпатии и эмоции. Да, он приводит доказательства и аргументы, но при всем желании быть справедливым большинство из них кажутся скорее остроумными, чем правдоподобными. У Маха были более способные защитники, чем Фейерабенд, но немногие из них, если вообще кто-то, столь широко известен, по крайней мере сегодня¹¹. Там же для большей убедительности Блэкмор делится с читателями содержанием своей «доверительной» беседы с Карлом Поппером, во время которой последний сообщил ему «по секрету», что Фейерабенд был «crazy» и что в том, «как он привлекал к себе внимание, он больше был похож на лису»¹². Нельзя не признать, что подобная аргументация выходит за рамки академического спора.

Несомненно, книга «Философия Эрнста Маха – Pro and Con», подготовленная Джоном Блэкмором, Рийчи Итагаки и Сетцуко Танака, открывает необычайно широкий спектр точек зрения на идеи Эрнста Маха, но гармоничность этого спектра вызывает сомнения: ему не хватает, пожалуй, толики «незнания».

¹¹ Ernst Mach's Philosophy. P. 168–169.

¹² Ibid. P. 168.